

РОСІЙСЬКА МОВА

УДК 811.161.1'36: 811.161.1'38

Попов С. Л.

Харьковский национальный университет имени В. Н. Каразина

О ЛЕГИТИМИЗАЦИИ РУССКИХ НЕКАНОНИЧЕСКИХ СОЧИНИТЕЛЬНЫХ КОНСТРУКЦИЙ С СОЮЗНЫМ СОЕДИНЕНИЕМ: КОГНИТИВНО-ЭВОЛЮЦИОННАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

В статье рассматривается легитимность русских неканонических сочинительных конструкций с союзным соединением в когнитивно-эволюционном аспекте. Такое рассмотрение предполагает изучение процессов создания таких конструкций с точки зрения их восприятия и обусловленной его качеством логичности. Доказывается, что создание исследуемых конструкций базируется на отрицательно оцениваемом в гносеологическом плане поверхностном восприятии как их составляющих, так и конструкций в целом. Обосновывается вывод о нецелесообразности антиэволюционной по своей сути легитимизации русских неканонических сочинительных конструкций с союзным соединением.

Ключевые слова: синтаксис, сочинительная связь, союз, языковая норма, восприятие, логика, эволюция.

Постановка проблемы. С точки зрения русского кодифицированного литературного языка, в особенности с позиций заботящихся о его правильности и чистоте ортологических дисциплин – практической стилистики и литературного редактирования, сочинительные конструкции с сопоставительно-союзным соединением типа *Он пишет не только стихи, но и сочиняет музыку* или *Он не только пишет стихи, но и музыку*, а также с соединением при помощи повторяющихся союзов, например *Он не пишет ни стихов, ни музыки, ни рисовать не умеет*, как нарушающие логическую соотносительность компонентов таких конструкций, всегда считались некорректными, нуждающимися в редакторской правке, которая в первых двух случаях состоит лишь в перестановке – соответственно назад и вперед – союзной части *не только*, а в третьем требует более существенной перестройки фразы. Однако в 2010 году написавший в коллективной монографии [1] раздел 2.7 И. М. Богуславский предложил считать такие конструкции не выходящими «за рамки грамматической правильности» [1, с. 243], чем обусловил необходимость более глубокого изучения данного вопроса.

Анализ последних исследований и публикаций. В качестве нуждающихся в исправлении русские неканонические сочинительные конструкции с союзным соединением описывали А. Э. Мильчин, В. А. Ицкович, В. З. Санников и другие, настаивающие на неприемлемости, особенно в письменной речи, таких конструкций как содержащих существенные для традиционного русского синтаксиса логические противоречия. И. М. Богуславский такие противоречия серьезными не считает, поскольку значения указанных конструкций в целом являются понятными, к коммуникативным неудачам не приводящими.

Постановка задания. Цель настоящей статьи – представить когнитивно-эволюционное объяснение причин появления и существования неканонических сочинительных конструкций с союзным соединением и на основании данного объяснения решить вопрос о целесообразности легитимизации таких конструкций.

Изложение основного материала. Названные выше авторы, считающие рассматриваемые здесь конструкции недопустимыми, едины в одном:

эти конструкции нелогичны. Так, В. А. Ицкович полагает, и В. З. Санников с ним в этом солидарен [6, с. 128–129], что несоблюдение правила однофункциональности частей предложения, связанных двойными и повторяющимися союзами, «создает противоречие между формой и смыслом высказывания» [2, с. 158]. Как известно, согласно логическому закону противоречия последние свидетельствуют о нарушении нормального функционирования логики как строя мышления.

И. М. Богуславский считает вывод В. А. Ицковича «чересчур суровым» и в качестве доказательства приводит намеренно взятые им из работы В. З. Санникова [6] примеры употребления таких «рассогласованных» (в терминологии И. М. Богуславского) конструкций «в стилистически бесспорных и даже художественных текстах», а именно в произведениях Л. Н. Толстого: *Хаджи-Мурат поехал не по улице, а повернул вправо, вузенький проулочек; Жил он не в ауле, а приходил из-под горы; У нас нет ни машин, ни рабочего скота хорошего, ни управления настоящего, ни считать мы не умеем;* – и И. А. Гончарова: *...проснувшись ночью, я почувствовал, что у меня зябнет не одна спина, а весь я озяб* [1, с. 243] (в последнем примере, в целом логически менее дефектном, чем предыдущие, наблюдается противоречие сопоставляемых форм глагола *озябнуть* и существительного *спина*). По всей видимости, приведенные И. М. Богуславским примеры из литературы позапрошлого века призваны доказать широкую употребительность таких конструкций в настоящее время. Об этом свидетельствует вывод, к которому приходит автор: «Таким образом, как бы ни решался вопрос о кодификации, подобные конструкции реально существуют, ими активно пользуются говорящие и пишущие, их оставляют в неприкосновенности редакторы» [1, с. 243]. Несложно убедиться в том, что именно в настоящее время письменные употребления XIX века вряд ли могут быть признаны реально существующими и активно используемыми. Авторский аргумент к понятности тоже не может претендовать на убедительность признания таких синтаксических явлений нормативными: фраза *Подъехал красивый машина* тоже понятна, но из такой понятности не следует ее грамматическая правильность. Кроме того, сообщая, что рассогласованные конструкции «оставляют в неприкосновенности редакторы» [1, с. 243], И. М. Богуславский, вероятнее всего, имеет в виду либо редакторов позапрошлого и прошлого столетий (такой вывод следует из вре-

мени создания цитируемых автором произведений, рассогласованные конструкции в которых редакторы прежде всего того времени действительно «оставили в неприкосновенности»), либо невнимательных современных редакторов, о которых, говоря о проблемах употребления соотносительного союза *не только..., но и...*, пишет известнейший специалист в области редактирования А. Э. Мильчин: «Части этого союза по правилу грамматической стилистики должны стоять только у соотносимых слов (именно они логически акцентируются). Авторы же нередко нарушают это правило, а редакторы пропускают подобные нарушения. Например (курсив и выделение жирным шрифтом – наши. – С. П.):

Информационная работа должна ориентировать читателя не только в литературе по специальности, но и дать ему возможность получить сведения о выходящих изданиях по всем вопросам общественной жизни, науки, техники, литературы и искусства.

Здесь могут соотноситься либо предметы (*литература по специальности с изданиями по другим вопросам*), либо действия (*ориентировать в литературе с давать возможность черпать сведения*), однако части союза поставлены так, что соотносятся предмет в первой половине фразы и действие во второй половине» [3, с. 410]. Следовательно, постулированное И. М. Богуславским оставление редакторами таких конструкций в неприкосновенности тоже может быть поставлено под сомнение именно с позиций современного русского литературного языка, особенно в письменной его разновидности, и заботящегося о его правильности литературного редактирования. Наши контраргументы свидетельствуют и о том, что предлагаемая И. М. Богуславским легитимизация противоречит критериям признания того или иного языкового явления нормативным. Согласно общепризнанному мнению, Н. Н. Семенюк такое признание осуществимо при соблюдении трех критериев: 1) соответствия языкового явления структуре языка; 2) массовой и регулярной воспроизводимости данного явления в ходе коммуникации; 3) общественного одобрения и признания такого явления нормативным [7, с. 338]. Как можно убедиться, неканонические сочинительные конструкции с союзным соединением не соответствуют структуре языка (синтаксис предписывает соблюдать логичность соотносимых частей этих конструкций), массово и регулярно не воспроизводятся (употребления позапрошлого века не являются свидетельством современного узуса),

каким-то количеством носителей языка не одобряются и нормативными не признаются (см. выше мнения таких авторитетных носителей языка, как В. А. Ицкович, В. З. Санников и А. Э. Мильчин).

Однако в соответствии с поставленной в настоящей статье целью продемонстрированное выше доказательство несостоятельности легитимизирующих такие конструкции аргументов нельзя признать абсолютным, ведь в самом деле такие конструкции в современном узусе встречаются, и следует найти причину данного явления, – необходима когнитивно-эволюционная интерпретация таких конструкций, и начать ее следует с логического понятия противоречивости, которое, как показано выше, в них фиксируется.

В настоящее время связь языка с мышлением специальных доказательств не требует, но в то же время эта связь совершенно справедливо учеными не абсолютизируется. Несмотря на то, что всеми лингвистами признается частотность нелогичности языковых структур, несомненным является факт постепенной логизации языка, в том числе его грамматического строя, под воздействием строя мышления – логики, качество которой обуславливается качеством восприятия (подробнее об этом – см. [4, с. 87–101]).

Согласно данным когнитивной психологии восприятие имеет три степени. Оно может быть: 1) синкретичным, то есть целостным, не позволяющим дифференцировать признаки и, как следствие, категоризировать познаваемое; 2) поверхностным, то есть ориентированным на ближайшие, наиболее заметные, «лежащие на поверхности» признаки, по которым и происходит категоризация, чаще всего ошибочная; и 3) альтернативным, то есть ориентированным на все имеющиеся в наличии признаки, благодаря чему в результате сравнения может быть выбран признак, категоризация по которому является корректной. Каждая из степеней восприятия обуславливает соответствующее качество логичности мышления и, как следствие, логичности связанной с мышлением грамматики (подробнее об этом – см. [5, с. 5–105; 4, с. 64–142]).

Закономерна постановка вопроса о когнитивной причине возникновения нелогичных сочинительных конструкций с союзным соединением и ответ на этот вопрос следует искать в сфере восприятия. В данном случае логично вести речь о восприятии говорящим или пишущим (далее – автор) различных фрагментов текста и текста в целом во время его создания. Рассмотрим все три приведенные в начале статьи примера по очереди и поэтапно:

I. *Он пишет не только стихи, но и сочиняет музыку.*

0. Автор планирует фразу с целью выразить мысль о том, что некто может создавать не только стихи, но и музыку. Здесь мы намеренно прибегаем к своего рода семантическому языку, позволяющему родовым понятием «создавать» выразить такие частные понятия, как «писать» и «сочинять», что вполне соотносится с лексически более абстрактным французским языком, в котором принято *faire des vers* = *делать стихи*, а не *писать* их, что понятно и без конкретизации: стихи обычно пишутся, а не рисуются или выцарапываются на стене острым предметом.

1. В момент начала фразы, когда выражается лишь мысль о том, что некто создает не только стихи, автор еще не предполагает, что для создания музыки глагол *сочинять* подходит немного больше, чем глагол *писать*. То есть в данном случае автор, сосредоточившись только на возможностях глагола *писать* и абсолютизовав их, не обращает внимания на необходимость употребления в качестве управляющего словом *музыка* глагола *сочинять*, чем демонстрирует поверхностность восприятия.

2. В момент окончания фразы, когда уже выражена мысль о том, что некто пишет не только стихи, автор воспринимает необходимость применить в качестве управляющего словом *музыка* глагола *сочинять*, но не воспринимает противоречивости конструкции *не только стихи, но и сочиняет* в целом и потому не воспринимает необходимость вернуться к началу фразы, чтобы переставить часть союза *не только* на место перед спрягаемой формой глагола *писать*, то есть демонстрирует то же поверхностное восприятие, но в обратном направлении: восприняв находящееся впереди, перестает воспринимать находящееся позади.

II. *Он не только пишет стихи, но и музыку.*

0. Автор планирует фразу с целью выразить мысль о том, что некто может не только писать стихи, но и каким-то образом создавать, возможно, *сочинять*, музыку.

1. В момент начала фразы, когда выражается лишь мысль о том, что некто не только пишет стихи, автор еще не предполагает, что для создания музыки другой глагол, например, *сочинять* не является критически необходимым. То есть в данном случае автор, сосредоточившись только на своего рода уникальности синтагмы *пишет стихи*, не воспринимает возможность употребления формы *пишет* и для управле-

ния существительным *музыка*, что избавило бы автора от необходимости лексического повтора формы *пишет*. Имеются все основания назвать такое авторское восприятие поверхностным.

2. В момент окончания фразы, когда уже выражена мысль о том, что некто не только пишет стихи, автор воспринимает необходимость применить в качестве управляющего словом *музыка* той же формы *пишет* и не повторяет ее во второй части высказывания. Но автор не воспринимает противоречивости конструкции *не только пишет, но и музыку* в целом и потому не воспринимает необходимость вернуться к началу фразы, чтобы переставить часть союза *не только* на место перед существительным *стихи*, то есть, как и в предыдущем случае, демонстрирует поверхностное восприятие в обратном направлении: восприняв находящееся впереди, перестает воспринимать находящееся позади.

III. *Он не пишет ни стихов, ни музыки, ни рисовать не умеет.*

0. Автор планирует фразу с целью выразить мысль о том, что некто не создает каким-то образом стихи, музыку и рисунки.

1. В момент начала фразы, когда выражается лишь мысль о том, что некто не пишет стихи, автор еще не предполагает, что избранная им конструкция с имеющимся при форме *пишет* отрицанием *не* и отрицанием *ни* перед существительным в предстоящем перечислении может не состояться. То есть в данном случае автор, сосредоточившись только на приемлемости этой ближе всего находящейся к нему конструкции, не воспринимает возможности нарушения – даже в ближайшем будущем – избранного им синтаксического алгоритма, чем демонстрирует поверхностность восприятия.

2. В середине фразы, когда уже выражена мысль о том, что некто не пишет стихи, автор продолжает построение фразы по избранному им алгоритму «*не + пишет + ни + существительное*» и, как и в предыдущем случае, не предполагает, что данная конструкция в предстоящем – уже совсем близком – перечислении может не сработать.

3. В момент окончания фразы, когда уже выражены мысли о том, что некто не пишет стихи и музыку, автор неожиданно для себя обнаруживает, то есть воспринимает, проблему с применением алгоритма «*не + пишет + ни + существительное*», состоящую в невозможности подстановки в эту конструкцию существительного *рисунки*, ибо актуализируется сочетаемостный запрет: рисунки нельзя писать. Автор воспринимает ближайшую к нему во времени и пространстве необходимость

применения в целом синонимичной предшествующей, но формально совсем другой конструкции *рисовать не умеет*, но при этом не воспринимает противоречия конструкции *ни рисовать* конструкциям *ни стихи* и *ни музыку* и потому не воспринимает необходимости применить в начале и середине фразы параллельные новой конструкции *не пишет стихи* и *не пишет (сочиняет) музыку*.

Как можно убедиться, логико-синтаксическая некорректность рассмотренных предложений обусловлена таким когнитивным фактором, как поверхностность восприятия. Такой перцептивный недостаток присущ в первую очередь животным (среди них в меньшей мере – наиболее близким к человеку в когнитивном отношении шимпанзе), детям (прежде всего дошкольного возраста), первобытным и древним цивилизованным людям. Однако современные цивилизованные люди – хотя и в меньшей степени – тоже нередко демонстрируют поверхностность восприятия (в языках даже имеются специальные лексемы для обозначения такого восприятия: *недальновидность*, *непредусмотрительность*, (во всех значениях) *близорукость* и другие). И в познавательном смысле очень важно, что поверхностность восприятия является социально осуждаемой. Когнитивная эволюция человечества заключается в эволюции от синкретичного восприятия к восприятию поверхностному – и от него к восприятию альтернативному как перцептивной норме, обеспечивающей абсолютную логичность влияющего на язык мышления.

Неудивительно, что поверхностность восприятия так или иначе проявляется в языковых структурах. Например, носители многих языков не воспринимают избыточность флексий спрягаемых форм глаголов: значение лица выражается в подлежащих – существительных и местоимениях, в силу чего выражающая значение лица глагольная флексия и является избыточной: ср. *я иду, ты идешь* – фр. *je vais, tu vas* (возможность в основном избавить свои спрягаемые глагольные формы от флексий в свое время восприняли носители английского языка: *I go, you go, we go, they go*, но *he goes*). Однако, как уже сказано выше, благодаря постоянному воздействию на язык строя мышления – логики, качество которой обуславливается постоянно прогрессирующим качеством восприятия, языковые структуры постепенно логируются. Например, еще несколько десятилетий назад были весьма распространены (а столетия назад встречались еще чаще) базирующиеся на поверхностном восприятии лишь ближайшего

из однородных субстантивов сочетания *Приехал отец и мать; Мой брат и сестра*. В настоящее время преобладает, а в речи носителей младшей нормы является абсолютным употреблением *Приехали отец и мать; Мои брат и сестра*.

Эволюция языковых структур под воздействием тесно связанных с языком и постоянно эволюционирующих когнитивных структур необратима. На ее фоне легитимизация конструкций, базирующихся на отрицательно оцениваемой поверхностности восприятия, не может выглядеть качественно обоснованной ни понятностью, ни даже современным употреблением, в том числе в художественных текстах. Наблюдаемая в научной литературе категорическая недопустимость таких конструкций в письменной речи абсолютно оправдывается тем, что, в отличие от создания

устной речи, создание речи письменной предполагает возможность остановки и ретроспекции: каждый автор письменного текста имеет возможность перечитать и исправить им написанное.

Выводы и предложения. Таким образом, рассмотрение русских неканонических сочинительных конструкций с союзным соединением в когнитивно-эволюционном аспекте, предполагающем выявление перцептивно-логических причин их создания, позволяет прийти к выводу, что эти конструкции базируются на отрицательно оцениваемом в гносеологическом плане поверхностном восприятии. Обусловленная таким восприятием языковая антиэволюционность не позволяет признать целесообразной легитимизацию русских неканонических сочинительных конструкций с союзным соединением.

Список литературы:

1. Апресян Ю. Д., Богуславский И. М., Иомдин Л. Л., Санников В. З. Теоретические проблемы русского синтаксиса: Взаимодействие грамматики и словаря / Отв. ред. Ю. Д. Апресян. Москва: Языки славянских культур, 2010. 408 с. (Studiophilologica).
2. Ицкович В. А. Очерки синтаксической нормы. Москва: Наука, 1982. 199 с.
3. Мильчин А. Э. Методика редактирования текста. Изд. 3-е, перераб. и доп. Москва: Логос, 2005. 524 с.
4. Попов С. Л. Грамматические варианты в русском языке: когнитивно-эволюционный аспект: дис. ... докт. филол. наук. Харьков, 2015. 453 с.
5. Попов С. Л. Когнитивные основания эволюции форм русского синтаксического согласования: Монография. Харьков: НТМТ, 2013. 150 с.
6. Санников В. З. Русский синтаксис в семантико-прагматическом пространстве. Москва: Языки славянской культуры, 2008. 624 с.
7. Семенюк Н. Н. Норма языковая // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. Москва: Сов. Энциклопедия, 1990. С. 337–338.

ПРО ЛЕГІТИМІЗАЦІЮ РОСІЙСЬКИХ НЕКАНОНІЧНИХ СУРЯДНИХ КОНСТРУКЦІЙ ЗІ СПОЛУЧНИКОВИМ З'ЄДНАННЯМ: КОГНІТИВНО-ЕВОЛЮЦІЙНА ІНТЕРПРЕТАЦІЯ

У статті розглядається легітимність російських неканонічних сурядних конструкцій зі сполучниковим з'єднанням у когнітивно-еволюційному аспекті. Такий розгляд передбачає вивчення процесів створення таких конструкцій з точки зору сприйняття і зумовленої його якості логічності. Доводиться, що створення досліджуваних конструкцій базується на негативно оціненому в гносеологічному плані поверхневому сприйнятті як складників, так і конструкцій у цілому. Обґрунтовується висновок про недоцільність антиеволюційної за своєю суттю легітимізації російських неканонічних сурядних конструкцій зі сполучниковим з'єднанням.

Ключові слова: синтаксис, сурядний зв'язок, сполучник, мовна норма, сприйняття, логіка, еволюція.

THE LEGITIMIZATION OF RUSSIAN NON-CANONIC COORDINATING CONJOINING CONSTRUCTIONS: COGNITIVE EVOLUTION INTERPRETATION

The article is focused on the legitimization of Russian non-canonic coordinating conjoining constructions in the terms of cognitive-evolutionary approach. Such analysis involves studying the formation processes of such structures in terms of their perception and consistency due to the perception quality. It is proved that formation of the analysed structures is based on the superficial perception of both their components and the whole construction, which is negatively evaluated in gnoseological terms. The following conclusion was justified: the legitimization of Russian non-canonical coordinating conjoining constructions is inexpedient and anti-evolutionary in itself.

Key words: syntax, literary connection, conjunction, language norm, perception, logic, evolution.